

А. БАДЬЮ: ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИКА

Б.Л. ГУБМАН

В творчестве Алена Бадью, который среди ныне здравствующих французских мыслителей по праву считается одним из наиболее оригинальных и выражающих дух современной эпохи авторов, теме взаимосвязи философии и политики уделяется особое внимание. Выступая оппонентом постмодернистского способа теоретизирования, Бадью усматривает в собственной философии, основанием которой является весьма нетривиальный вариант разработанной им математизированной онтологии, способ осмысления уникальности феномена политики. Его острая критика многих признанных представителей классической мысли Нового времени и теоретиков постклассической ориентации так или иначе имеет своей оборотной стороной стремление создать учение, способное философски обосновать леворадикальное видение политики, порывающее с любыми субстанциалистскими версиями истолкования социально-исторического развития¹. Наследуя пафос разрушительного противостояния базисным устоям «позднего капитализма» в редакции протагонистов «нового левого» движения, Бадью отлично осознает черты новейшего периода истории, политические реалии рубежа III тысячелетия. Попытаемся рассмотреть предлагаемое им видение взаимосвязи философии и политики, специфику его леворадикальной интерпретации перспектив сохранения творческих начал политической мысли и действия в современном мире.

Философия как метаполитика

Политика, как представляется Бадью, является одним из родовых условий «мыслительной конфигурации» философии, служит важной опорой обоснования ее положений наряду с тремя другими опорами этого типа теоретизирования — сферами поэзии, математики и любви. Философия как особый тип мыслительной деятельности, призванный предложить прежде всего онтологическое основание отношения человека к миру, согласно мнению этого автора, не в состоянии осуществить своей миссии, если она не будет ориентирована на опыт этих четырех основных родовых условий своего существования². В данной связи Бадью резонно констатирует, что философствование при всем полете присущего ему рефлексивного творческого порыва должно опираться на определенного рода опыт, суммирующий деятельное присутствие человека вместе с другими подобными ему существами в различных сферах его деятельности, характеризующихся спецификой режимов «постижения истины», среди которых именно политике им отводится особая роль в силу ее коллективного характера³.

При попытке ориентации на какую-либо одну из названных родовых процедур или их частичного соединения, по Бадью, возникают ошибки в философском видении мира. Подобную связь философии с частичным условием ее возможности Бадью именуется «швом»⁴. В качестве примеров такого «шва» им приводится трансформация совершенно оправданной заинтересованности успехами науки в позитивистский культ возвеличения ее результатов, а также гипертрофированное поклонение фантому единства революционной политики и научного знания в классическом марксизме. Бадью резонно предостерегает об опасности односторонней редукции философских положений к их родовым основаниям. В полной мере такого рода опасения могут быть отнесены и к возможному альянсу философии и политики.

Размышляя о природе политики, Бадью прежде всего подчеркивает ее нетождественность с политическим. «Политическое, — замечает он, — обозначается философски как концепт образующей сообщество связи и представительства этой связи в некоем органе власти»⁵. Политическое, понятое в подобной достаточно привычной для политико-философских представлений эпохи модерности и современности перспективе, представляется Бадью «блуждающим» между обществом и государством⁶. Его «фиктивность», опасность «реалистического» гипостазирования, как он полагает, гениально разгадал еще поэт-символист С. Малларме. Истолкование политического как некоей социальной связи, представленной на властном уровне, способствующей выявлению интересов гражданского общества в сфере государства совершенно не устраивает Бадью, ибо мешает, как он полагает, осознанию онтологической специфики феномена политики.

Бадью настаивает на том, что сутью политики является производство радикально нового состояния общества, порывающего со сложившимся порядком, привычными устоями воспроизводства социальных связей и институтов. Он подчеркивает, что «политика, в противоположность политическому, являющемуся размеренной мыслью о социальном и его представительстве, не прикована к социальному, но совсем наоборот, составляет исключение из него»⁷. Если политическое, в трактовке Бадью, всецело нацелено на фиксацию наличного общественного состояния, на облуживание функционирования в его режиме, то политика сопряжена с радикальным отрицанием такового, созданием своеобразной альтернативной реальности.

Вполне в духе негативной неомарксистской диалектики Бадью предостерегает от гипостазирования любых политико-философских представлений. Он считает совершенно недопустимым говорить об обусловленности политики законами экономического и общественного развития в духе классического марксизма. В не меньшей степени

отрицательно отзываясь Бадью и о современных теориях демократии и тоталитаризма, которые также далеки, на его взгляд, от осмысления специфики политики, не сводимой к осуществлению нормативно регламентируемой процедуры демократического парламентаризма.

Политика должна мыслиться, по Бадью, как своеобразная логика разрыва с наличным состоянием общества. Такого рода подход к этому феномену видится ему присутствующим еще в сочинениях Ж.-Ж. Руссо, но наиболее рельефно представленным в сочинениях Маркса. Говоря о несоответствии теории классического марксизма реалиям современности, он тем не менее акцентирует значимость видения политики как «интерпретации-разрыва», противостояния архитектонике социального, которое обнаруживается в наследии Маркса, узревшего мобильность и принципиальную «неэтичность» политической способности пролетариев. «Необходимо, — резюмирует специфику своего подхода к политике Бадью, — чтобы политика мыслилась как избыток по отношению и к государству, и к гражданскому обществу»⁸. Предлагая прочтение Маркса, которое явно отмечено духом леворадикального тотального отрицания существующего, не предполагающего позитивного синтеза и преемственности в развитии, Бадью приписывает его текстам «избавление от политического» и противопоставление политическому политике. Маркс рассматривается при этом как мыслитель, предвосхитивший собственный подход Бадью к непредвиденности события, порождающего логику разрыва с наличным состоянием и появление нового, не выводимого из ранее существовавшего порядка социальности.

Если политика неопишима в категориях, фиксирующих ее генезис и укорененность в общественном целом, в области связи гражданского общества и государства, то тогда встает вопрос о возможности существования политической философии как особого рода дисциплины. Следуя имманентной логике собственных построений, Бадью приходит к отрицанию необходимости существования политической философии. «Одним из основополагающих требований современной мысли, — безапелляционно заключает он, — является требование покончить с “политической философией”»⁹. Далее, разясняя свою столь категорично звучащую мысль, Бадью поясняет, что эта дисциплина рассматривает политическое как некую объективную и «неизменную данность» всеобщего опыта, пытаясь предложить ее философское истолкование¹⁰. Морально фундированная практика правовой государственности, вне зависимости от способа ее философского обоснования в классической мысли Нового времени или же в отрицающей ее основы постклассической стратегии теоретизирования, всецело неприемлема для Бадью. Таким образом, политика как логика разрыва, в его понимании, никогда не может быть примирена с философско-теоретическим рассмотрением политического.

На смену философии политики, по Бадью, должна прийти философия в облике метаполитики, задающая радикально новый аппарат критического рассмотрения конкретных реалий политики¹¹. Метаполитика рисуется им в качестве запечатлевающей философскими средствами диалектику разрыва с существующим, реализуемую субъектом политики, порожденным событием и спланивающим воедино в усилие мысли и практики людей в индивидуально неповторимых обстоятельствах различных социально-культурных миров. Поскольку же язык философской фиксации политики, по Бадью, должен быть радикально отличен от категориального аппарата, запечатлевающего политическое, им с необходимостью становится аппарат математизированной онтологии и опирающихся на нее логик миров. При этом у читателя произведений французского автора остается вопрос, можно ли философски описать в конкретике поле политики средствами онтологического анализа, непосредственно адресованными ее событийному ряду, не обращаясь к категориям, запечатлевающим различные общие грани жизни общества. Ведь философская метаполитика по определению должна уйти от обращения к истории и теории политического.

Политика в перспективе математической онтологии

Истоки категориального осмысления политики Бадью полагает необходимым искать в развиваемой им математической онтологии и обосновываемой на ее базе трактовке многообразия логик миров. Он солидаризируется с М. Хайдеггером, говоря о возможности утверждения значимости философии в современных условиях лишь на базе рассмотрения онтологической проблематики¹². Однако обретение вновь былого авторитета философии представляется Бадью сопряженным с созданием нового варианта рефлексивной онтологии, которая будет последовательно рационально-аналитичной и отвечающей критериям логико-математического видения реальности. Современное рациональное философствование видится ему возможным на основе обобщения целостно понимаемой традиции западной мысли, постканторовской математики, лакановского психоанализа, современного искусства и политики.

Постмодернистский тип теоретизирования, именуемый Бадью «демократическим материализмом», рисуется им опирающимся на убеждение, что базовыми реалиями, конституирующими человеческий взгляд на мир, являются тела и языки¹³. Выступая с критикой М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делёза и других его представителей, Бадью характеризует собственную философскую платформу как «материалистическую диалектику», которая демонстрирует явление в мир нетленных истин¹⁴. Поясняя этот «платонизирующий жест» собственной мысли, он видит его назначение в борьбе с «демократической

софистикой», отбрасывающей идею соучастия субъекта в процессе рождения истины. Прокламируемая борьба за истину в его творчестве имеет очевидную леворадикальную политическую окраску, хотя на этой основе вряд ли можно обнаружить родство его варианта «материалистической диалектики» с ортодоксальным марксизмом¹⁵. Скорее в данной связи можно говорить о создании своеобразной версии платонизма, способной онтологически обосновать стратегию леворадикальной политики в мозаичной ситуации современной культуры.

Стремление к созданию универсалистской онтологии уживается в системе мысли Бадью с потребностью согласовать ее с фактом существования множества культурных миров¹⁶. Эта задача отчетливо прослеживается в двух его основных трудах — «Бытие и событие» и «Логика миров». В «Бытии и событии» Бадью выстраивает конструкции, характеризующие чистое бытие, определяя, по его собственному мнению, онтологические типы истин и абстрактные формы субъектов, являющихся их носителями. В «Логиках миров» он показывает путь реализации базовых онтологических характеристик бытия в реалиях существования различных культурных миров. Бадью считает возможным сравнивать отношение «Логик миров» к «Бытию и событию» со связью «Феноменологии духа» и «Науки логики» в системе мысли Гегеля¹⁷. Очевидно, однако, что, в отличие от Гегеля, он обратился, прежде всего, к разработке общих онтологических оснований собственной доктрины, а затем попытался доказать их значимость на уровне специфической версии «объективной феноменологии» в соответствии с плюралистической по своему духу атмосферой современности. Его плюрализм выглядит оборотной стороной антихололистского подхода к базовым вопросам онтологии и связан с основной политической доминантой его творчества.

«Онтология в той мере, в какой она существует, необходимо должна быть наукой о множестве как таковом»¹⁸, — полагает Бадью. Онтология мыслится им как строго обоснованная дисциплина лишь на базе математической теории множеств. Она призвана воспроизводить бытие, представимое как ситуация в логико-математических конструкциях. Математическая онтология Бадью глубоко укоренена не только в наследии Платона, но и в математических идеях Г. Кантора, Э. Цермело, А. Френкеля. Множество, по его мнению, может состоять из множеств, но Единое всеохватывающее начало таких не существует¹⁹. В реальности присутствует лишь операция счета-как-сведения к единству, которая, по сути, дает шанс распознать множества как множества. Продолжая атаку на классическую европейскую онтологическую мысль, инициированную во французской философии Э. Левинасом, Бадью приводит ее к радикально иному финалу²⁰. Он приходит к заключению, что «идентифицированное множество является “бытием мира”»²¹. В формате его математической онтологии бесконечность,

не связанная с локализованными множествами, выглядит немислимой.

В плане философского видения политики основоположения математической онтологии Бадью не только изначально направлены против поиска ее теологического обоснования, но и ориентированы на опровержение единства истории как ее предпосылки. Существование бесконечного Другого не идентично для Бадью с Единым, вследствие его радикального атеизма и отрицания существования Бога. На базе утверждения «ненормальности» множества всех множеств, Бадью декларирует несуществование не только Единого как начала мироздания, но также Природы и Истории. Такой ход мысли выглядит довольно проблематичным в перспективе расселовской теории типов, да и развиваемого самим французским философом понимания роли операции счета-как-единого в конституировании множеств. Единое вместе с бесконечным Другим настойчиво напоминают о себе в любом мыслительном усилии субъекта. Разрыв рефлексивной связи с осознанием единства истории чреват опасными последствиями для политического мышления.

К весьма существенным результатам для видения политики Бадью ведет и развиваемая им трактовка «ничто» как основы конституирования множеств. Понимая множественность как базирующуюся на логике принадлежности, Бадью подчеркивает, что «ничто» является пустым множеством, на основе которого реализуется операция счета. Благодаря факту композиции любого множества из подмножеств, логически возникает проблема первичной операции счета, которая непредставима без пустоты, называемой Бадью «собственным именем бытия»²². Эта онтологическая предпосылка означает, что пустота представима как конститутивный элемент любого структурируемого множества. Размышляя о роли категории «пустота» в философии Бадью, один из наиболее жестких его критиков Ф. Ларуэль прямо связывает ее звучание с общим «маоистским» пафосом построений своего коллеги, который камуфлируется платонизмом и математическим стилем аргументации²³. Сам Бадью, не отрицая былых симпатий к маоизму, не склонен прямо ассоциировать себя с ним сегодня, считая его одним из ушедших в прошлое вариантов интерпретации марксизма.

Именно событие знаменует для Бадью прорыв в новый порядок бытия, рождающийся из пустоты и задающий ранее несуществовавший ряд возможностей. Его размышления о рождении события, несмотря на математическую форму их изложения, явно вдохновлены именно политическими примерами. Отвечая на вопрос Ф. Тарби о природе политического события, Бадью заявляет: «Событие — это создание в мире возможности процедуры истины, но оно не является создателем самой этой процедуры»²⁴. Политическое событие представляется

ему носящим всецело коллективный характер. События марта 1871 г., когда родилась Парижская коммуна, или мая 1968 г., давшего зрелый пример протеста «нового левого» движения во Франции, служат Бадью ярчайшими примерами открытия нового порядка возможности процедуры истины, запечатлеваемого цепью категорий его онтологии.

Декларируемое Бадью «несуществование» Истории отнюдь не означает отрицания историчности, источником которой выступает в его онтологии место появления — «локальный сайт» события, всегда рождающегося в определенной ситуации. В теоретическом плане событие характеризуется им как «некоторое обладающее единством множество, состоящее, с одной стороны, из всех множеств, которые принадлежат его сайту, и, с другой стороны, из самого события»²⁵. С онтологической точки зрения, сайт события интерпретируется как «ненормальное множество на грани пустоты», квалифицируемое так постфактум, вследствие случившегося явления. В результате того, что событие принадлежит данной структурируемой ситуации, оно всегда продуцируется как нечто исторически уникально единичное «на-краю-пустоты». Событие, сообразно с пониманием теории множеств Бадью, не принадлежит бытию как бытию, но приходит в ситуацию через операцию именованной ее реалий — номинации, задавая определенную структурную последовательность. Подобно Безосновному (Ungrund) Я. Бёме, пустота интерпретируется Бадью как «имя Другого» и рассматривается в качестве источника историчности явления. В политическом плане рождение событием нового порядка мысли, возможного подрывает господство сложившихся и кажущихся неизбежными структур и институтов, санкционированных государством.

Истина рассматривается Бадью как приходящая вместе с событием и открываемая постсобытийной «операцией верности», которая специфична для данной конкретной ситуации и противоположна уже существующему, наличному состоянию знания. Он предлагает жестко формулируемую линию разграничения между достоверностью суждения внутри сложившейся «энциклопедии знания» с ее конвенциональными правилами и истиной, которая всегда «образует дыру» в ее ткани²⁶. Истина также характеризуется как предполагающая «момент бесконечности» спектра вопрошания.

В сфере политики истина представляется Бадью как явленная в справедливости. «Итак, справедливость, — заключает он, — это философское имя истины в политическом поле»²⁷. Политическая истина реализуется, в его трактовке, в поиске адекватного сложившейся здесь и теперь ситуации понимания справедливости как равенства для всех.

Создавая под влиянием идей Ж. Лакана вариант «конкретно-ситуативного» видения субъекта, Бадью предлагает его интерпре-

тацию как «локальной конфигурации порождающей процедуры», которая поддерживает истину²⁸. Процесс субъективации опирается на те явления, которые принимаются на веру как связанные с событием, и вводит новую номинацию в определенной сфере с целью выражения истины. В трактовке этой номинативной активности субъекта Бадью солидарен со своим леворадикальным единомышленником С. Лазарюсом²⁹. Пребывая в локальной конечной ситуации, субъект, по его мнению, сталкивается с проблемой выражения бесконечности истины в пределах вновь создаваемой дискурсивной системы, которая должна неизбежно трансформироваться в «энциклопедию знания».

Субъект политики рассматривается Бадью как коллективный носитель определенной мысли, диктующей способ действия. «Мысль, — пишет он, — есть имя субъекта истинностной процедуры. То есть словом “коллектив” признается, что если мысль является политической, то она распространяется на всех»³⁰. Бадью полагает, что политика универсальна, обращена ко всем, ибо каждый может стать носителем порожденной событием мысли, ее «активистом». Наука, искусство и любовь по сравнению с политикой предстают как «аристократические» истинностные процедуры, ибо в них не явлен «коллективный режим». Политика выглядит в его понимании как подлинно «родовая» процедура не только по результату, но и по составу субъекта.

Политика как инициируемое событием следование порядку истины и справедливости реализуется, по Бадью, в многообразии культурных миров. Хотя французский философ находится в оппозиции к постмодернизму, он вводит набор категорий, описывающих конституирование миров и процесс изменения внутри них, который вполне созвучен постклассическому типу философствования. Любой мир в его статической форме в границах «объективной феноменологии» описывается Бадью как состоящий из объектов — «единиц являющего себя в мире», идентифицируемых в границах трансцендентального индексирования в их феноменологических свойствах и предстающих как его атомы, — и их связей. «Мир онтологически утверждается тем, что является, и логически утверждается отношениями между явленными феноменами»³¹. Тождественность и различие, существование и несуществование объектов определяются через их принадлежность миру. В то же время различные миры подвержены изменению и характеризуются Бадью через категории места события — его «сайта», слабой и сильной единичности — «сингулярности», события. Как рефлексивное множество, принадлежащее себе и, тем самым, превосходящее границы бытия, сайт наводит мосты между бытием и конкретно существующим здесь, является, чтобы исчезнуть, и открывает сильную единичность приходящего в мир явления, несущего истину.

Субъективная процедура порождения истины и объективное явление множественности в мире понимаются Бадью как взаимно до-

полняющие друг друга в теории точек. Любая точка, в его понимании, «удваивает бесконечность» в момент решения, давая возможность истине явиться в определенном месте мира³². Она связана с производством субъективного формализма через применение различных операций мысли к собиранию следов ушедших событий в свете возможных типов их отношений с настоящим. Таким образом, прошлое должно всегда встречаться с настоящим, демонстрируя «подлинную жизнь», которая представляется Бадью моментом творения и вечного прихода истины. Свое понимание логики культурных миров и перспектив исторического творчества Бадью открыто противопоставляет как ортодоксальному марксизму, унаследованному Л. Альтюссером, так и постмодернистскому теоретизированию.

Математическая онтология Бадью и вытекающий из нее анализ логик миров обосновывают в общеполитическом плане бытийные основания политики, парадоксальным образом отрицая возможность создания теории политического, его места и роли в границах исторически трансформирующейся общественной целостности. Избираемый им логико-математический способ обоснования леворадикального видения политики как логики рождения события из глубины пустоты, открывающего непредвиденный порядок истины в многообразии культурных миров отнюдь не свободен от противоречий. Опора на основания теории множеств по сути дела, как справедливо констатирует Р. Брэйссер, редуцирует философский поиск лишь к обоснованию возможности чистой презентации бытия в логико-математических конструкциях³³. Вопреки собственной критике И. Канта и антиконструктивистским декларациям, Бадью создает вариант критической онтологии, которая продолжает линию конструктивистского теоретизирования в духе своеобразного логико-математического трансцендентализма. Предлагаемое им видение политики, опирающееся в конечном счете на достаточно оригинальную трактовку взаимосвязи бытия и события в перспективе платонистических конструкций его критической онтологии, оказывается фатальным образом оторванным от рефлексивного осмысления целостности Истории, которую он объявляет «не существующей» в качестве неправильного множества. Поскольку же уникальное явление события, взрывающего порядок существующего, реальность, властно напоминает о нередуцируемости исторического, Бадью попытался дополнить математическую онтологию логиками культурных миров, каждый из которых конституируется на базе «трансцендентальной индексации», объективного априори. Вместо изгнанных из поля философского мышления образов целостности истории и теории политического Бадью предлагает рассмотреть политику как вершающуюся всегда в новом и уникальном облики стремления к истине в многообразии несхожих культурных миров. Однако даже дополнение математиче-

ской онтологии истолкованием логик культурных миров оставляет впечатление, что собственно философское рассмотрение политики нуждается в конкретном аналитико-категориальном аппарате, что выглядит в стратегии мысли Бадью непростительным тяготением к «возвращению» теории политического.

Политика в эпоху ее отсутствия

Одной из наиболее характерных черт современной эпохи Бадью считает исчезновение политики, которая трактуется им как логика разрыва с устоявшимися формами политического, выражающего связь гражданского общества и государства. Иллюзорность предметности политического дискурса, в равной мере свойственная, на его взгляд, как его либеральным, так и леворадикальным версиям, не в силах скрыть бездушные реалии автоматизма существования субъекта в условиях «позднего капитализма»³⁴. Исчезновение политики, как не бесосновательно замечает Бадью, сопровождается сегодня также утратой традиционного смыслового наполнения такими категориями как «рабочее движение» и «интересы собственников», «национализм» и «интернационализм», «капитализм» и «социализм», «социализм» и «коммунизм», «свобода» и «авторитаризм» и т.д.³⁵ Критика иллюзорности мышления современных либеральных авторов и ортодоксальных марксистов при подобном подходе должна стать прологом возрождения значимости политики как логики отрицания порядка существующего в леворадикальном ключе.

Со значительной долей сарказма Бадью отзывается прежде всего о теориях, обосновывающих значимость либерально-демократических устоев политики. Все они, с его точки зрения, выглядят в конечном счете апологетикой существующего капиталистического глобального мироустройства как не имеющего реальной альтернативы. Имманентная логика морального оправдания политико-правового устройства капиталистического общества представляется ему укорененной еще в кантовской философии. Современные либерально-демократические теории конечно же фиксируют реалии современного мира, но безработица, обесценивание ручного труда, производственная анархия, вопиющее неравенство развитых и развивающихся стран, ксенофобия и другие негативные явления рисуются ими как всего лишь побочные продукты экономически необходимого порядка — логики капитала. Поэтому-то парламентские режимы «организуют мнение и субъективность, заведомо обреченные утверждать необходимое»³⁶. Так экономический спектакль трансформируется в «безропотное консенсуальное мнение», по сути утверждающее невозможность иного общественно-политического устройства. Санкционируя существующее, философия либеральной демократии, по Бадью, наделяет его в целом моральным ореолом сопричастности порядку Добра, а

различные отклонения от него авторитарного и тоталитарного плана рассматриваются как представляющие Зло.

Ситуацию, как полагает Бадью, не меняет и современная восприимчивость широко понимаемой им философии либеральной демократии к проблематике «радикальной инаковости»: «Ну конечно, уважение к различиям! Но с той лишь оговоркой, что отличающийся должен представлять парламентскую демократию, придерживаться рыночной экономики, поддерживать свободу мнений, феминизм, экологическое движение»³⁷. «Уважение к различиям», как иронически замечает Бадью, в реальной практике выливается в соответствии идентичностей всех культур западному образцу.

Не менее остро атакует Бадью и ортодоксальные представления марксизма, отрицая его существование как целостного учения и говоря о множестве сформировавшихся в истории вариантов такового. Он приходит к выводу, что учение К. Маркса, содержащее в себе программу антикапиталистической альтернативы, было сильно не только своим пафосом освобождения пролетариата и практикой революционной борьбы, но и реальными итогами – утверждением социалистической государственности прежде всего в СССР и Китае, а также в ряде других стран. Основными звеньями политической мысли Маркса, ставшими основаниями политического действия были учения о роли рабочего движения, о борьбе за национальное освобождение и о социалистическом государстве, утратившие во второй половине минувшего века предметное содержание³⁸.

Прежде всего, по Бадью, исчезла очевидно существовавшая ранее связь между марксистски вдохновляемой политикой и рабочим движением, что стало очевидным на примере столкновения польского профсоюзного движения «Солидарность» с социалистическим государством. Классический марксизм акцентировал роль национально-освободительного движения как союзника компартий. Тем не менее, как подмечает Бадью, в современном мире достаточно часто случается так, что бывшие страны-лидеры национально-освободительного движения после уничтожения собственной зависимости становятся парадоксальным образом угрозой для своих соседей по региону. Социалистическое государство представлялось Марксу и его последователям средством освобождения своих граждан от всех видов эксплуатации и отчуждения. Однако реалии деяний тоталитарных и авторитарных режимов, во главе которых стояли лидеры компартий, в минувшем столетии продемонстрировали, по Бадью, иллюзорность предметности социалистической государственности как реализующей гуманизм в сфере политики, о чем ярче любых политико-философских сочинений свидетельствует проза А.И. Солженицына и В.Т. Шаламова.

Разочарование в «позднем капитализме» и признание фактического крушения реального социализма в странах советского блока

отнюдь не означает для Бадью необходимости отказа от леворадикального преодоления ситуации, сложившейся в современном мире. Он жестко критикует любые проявления «термидорианского сознания», готового признать универсальность и неопровержимость логики капиталистического развития как финального итога, апофеоза эволюции человеческого сообщества. Наиболее ярким примером такого «термидорианства» является для него деятельность «новых философов» во Франции.

Выступая за возвращение политики на авансцену общественной жизни, Бадью находит тому онтологическое обоснование в логике явления события. «Мощь государства всегда превосходит мощь ситуации»³⁹, — констатирует Бадью. Мощь презентации альянса государства и экономики «избыточна», «блуждающая» и «неопределена», а потому и эмпирически наблюдаемо репрессивна в своей реакции на предъявленное событие. Однако политическое событие, по Бадью, кладет предел мощи государства. И именно в этом смысле политика сопряжена с проявлением свободы. «Свобода здесь — дистанцирование от государства через коллективное установление меры его избыточности»⁴⁰. Измерение избыточности государственной мощи позволяет бросить ей вызов и искать возможность коллективного действия в перспективе альтернативных сценариев общественной жизни.

Леворадикальная стратегия политики предстает, по Бадью, непрестанным поиском альтернативы существующему. После исчезновения предметности ортодоксального марксизма леворадикальная мысль, в его понимании, не должна оставлять задачи критико-рефлексивного осмысления противоречий «позднего капитализма» в перспективе борьбы за истину и справедливость. В этическом плане следование этому идеалу означает для него служение Добру, тогда как апологетика существующего оборачивается Злом. Философия в системе мировоззрения Бадью не только питается рефлексией политики, но и призвана продемонстрировать ее онтологически заданную неуничтожимость, которая имеет своим истоком рождение непредвиденного события, открывающего новые коллективно осознаваемые возможности утверждения порядка истины и справедливости. Отказываясь от обоснования политики средствами современной политической философии, запятнавшей себя, на его взгляд, либеральной апологетикой существующего, французский автор попытался доказать ее неустранимость из жизни человеческого сообщества на основе математической онтологии. Трудность концептуализации политики в аппарате математико-онтологических представлений побудила Бадью к созданию на их основе теории логик миров, в конкретике которых вершится политический прорыв в область возможного. Однако и

математизированная теория логик миров оказалась не в состоянии компенсировать отсутствие философско-политического аппарата концептуализации реалий политики в глобально-исторической перспективе. Разрыв философской интерпретации политики с политическим, с его теоретическим осмыслением и историей вряд ли может составить продуктивное основание для конкретного анализа современных реалий и перспектив грядущего. Вместе с тем тезис Бадью о важности постоянного поиска сценариев будущего, которые могут создать альтернативу сложившейся конфигурации власти, санкционирующей наличный вариант глобального социально-экономического мироустройства периода «позднего капитализма», безусловно выглядит заслуживающим внимательного обсуждения. Продуктивным моментом его построений является идея необходимости альянса философии и политики во имя создания прорыва в иные регистры возможного существования человеческого сообщества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Badiou and the Political Condition. Ed. by M. Constantinou. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014.

² Бадью А. Манифест философии. – СПб.: Machina, 2003. С. 15 – 16.

³ См.: Nicolacopoulos T., Vassilacopoulos G. Philosophy and Revolution: Badiou's Infidelity to the Event // The Praxis of Alain Badiou. Ed. by P. Ashton, A.J. Bartlettand, and J. Clemens. – Melbourne: re.press, 2006. P. 372.

⁴ Бадью А. Манифест философии. С. 34.

⁵ Бадью А. Можно ли мыслить политику? // Бадью А. Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. – М.: Логос, 2005. С. 14.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 18.

⁹ Бадью А. Краткий трактат по метаполитике // Бадью А. Можно ли мыслить политику? С. 103.

¹⁰ Анализ дискуссии по проблеме политического в современной западной философии см.: Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века / под ред. М.М. Федоровой. – М.: Идея-Пресс, 2009.

¹¹ Бадью А. Краткий трактат по метаполитике. С. 94.

¹² Badiou A. Being and Event. – L.; N. Y.: Continuum, 2010. P. 2.

¹³ Badiou A. Logics of Worlds. Being and Event, 2. – L.; N. Y.: Continuum, 2009. P. 2.

¹⁴ Ibid. P. 4.

¹⁵ Ibid. P. 503.

¹⁶ О специфике постановки проблемы взаимосвязи критической онтологии и мира культуры в современной западной мысли см.: Блауберг И.И. Введение // Западная философия конца XX – XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции / под ред. И.И. Блауберг. – М.: Институт философии РАН, 2012. С. 4.

¹⁷ Badiou A. Logics of Worlds. P. 8.

¹⁸ Badiou A. Being and Event. P. 28.

¹⁹ См.: Badiou A. Logics of Worlds. P. 110.

²⁰ Относительно стратегии критики Э. Левинасом европейской онтологии см.: Вдовина И.С. Феноменология во Франции. – М.: Канон+, 2009. С. 201 – 236.

²¹ Badiou A. Logics of Worlds. P. 113.

²² Badiou A. Being and Event. P. 56.

- ²³ См.: Laruelle F. *Anti-Badiou. On the Introduction of Maoism into Philosophy.* – L., N. Y.: Bloomsbury Publishers, 2013. P. VIII.
- ²⁴ Бадью А., Тарби Ф. *Философия и событие.* – М.: ИОИ, 2013. С. 17.
- ²⁵ Badiou A. *Being and Event.* P. 179.
- ²⁶ Ibid. P. 327.
- ²⁷ Бадью А. Загадочное отношение философии и политики. – М.: ИОИ, 2013. С. 45.
- ²⁸ Badiou A. *Being and Event.* P. 391. См. в данной связи: Автономова Н.С. *Познание и перевод.* – М.: РОССПЭН, 2008. С. 271 – 272; Назию Х.-Д. *Пять уроков по теории Жака Лакана.* – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. С. 148 – 170.
- ²⁹ Ibid. P. 404.
- ³⁰ Бадью А. *Краткий трактат по метаполитике.* С. 218.
- ³¹ Badiou A. *Logics of Worlds.* P. 305.
- ³² Ibid. P. 409.
- ³³ См.: Брайссер Р. Презентация как анти-феномен в «Бытии и событии» Алена Бадью // Хора. 2008. № 1. С. 64.
- ³⁴ Идея исчезновения политики А. Бадью во многом созвучна построениям его постоянного оппонента по различным теоретическим проблемам Ж. Рансьера (см.: Рансьер Ж. *Несогласие. Политика и философия.* – СПб.: Machina, 2013. С. 169 – 190).
- ³⁵ Бадью А. *Можно ли мыслить политику?* С. 9.
- ³⁶ Бадью А. *Этика. Очерк о сознании зла.* – СПб.: Machina, 2006. С. 51.
- ³⁷ Там же. С. 43.
- ³⁸ Бадью А. *Можно ли мыслить политику?* С. 24.
- ³⁹ Бадью А. *Краткий трактат по метаполитике.* С. 221.
- ⁴⁰ Там же. С. 222.

REFERENCES

- Aytonomova N.S. *Knowledge and Translation.* Moscow, ROSSPEN [Russian Political Encyclopedia], 2008. 704 p. (in Russian).
- Badiou A. *Being and Event.* London, New York, Continuum, 2010. 526 p.
- Badiou A. *Logics of Worlds. Being and Event, 2.* London, New York, Continuum, 2009. 617 p.
- Badiou A. *Manifeste pour la philosophie.* Saint Petersburg, MACHINA, 2003. 184 p. (trans. in Russian).
- Badiou A. *Peut-on penser la politique? Abrégé de métapolitique.* Moscow, Logos, 2005. 240 p. (trans. into Russian).
- Badiou A. *La Relation énigmatique entre politique et philosophie.* Moscow, Institute of General Studies in Humanities, 2013. 112 p. (trans. in Russian).
- Badiou A., Tarby F. *Philosophy and the event.* Moscow, Institute of General Studies in Humanities, 2013. 192 p. (trans. in Russian).
- Badiou A. *L'Éthique: Essai sur la conscience du mal.* Saint Petersburg, MACHINA, 2006. 121 p. (trans. into Russian).
- Badiou and the Political Condition.* Ed. by M. Constantinou. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2014. 288 p.
- Blauberger I.I. Introduction. In: *Western Philosophy of the XX-XXI Century. Ideas. Problems. Trends.* Ed. by I.I. Blauberger. Moscow, RAS Institute of Philosophy, 2012, pp. 3-7 (in Russian).
- Braissier R. Presentation as anti-phenomenon in Alain Badiou's "Being and Event". In: Khora. 2008. No 1, pp. 63-80 (into Russian).
- Laruelle F. *Anti-Badiou. On the Introduction of Maoism into Philosophy.* London, New York, Bloomsbury Publishers, 2013. 245 p.
- Nasio J.-D. *Cinq Leçons sur la théorie de Jacques Lacan.* Moscow, Institute of General Studies in Humanities, 2015. 175 p. (trans. in Russian).
- Nicolacopoulos T., Vassilacopoulos G. *Philosophy and Revolution: Badiou's Infidelity to the Event.* In: *The Praxis of Alain Badiou.* Ed. by P. Ashton, A.J. Bartlettand, and J. Clemens. Melbourne: re.press, 2006, pp. 367-385.

Political as a Problem. Essays on the 20th Century Political Philosophy. Ed. by M.M. Fedorova. Moscow: Idea-Press, 2009. 224 p. (in Russian).

Rancière J. *La Méésentente. Politique et philosophie*. Saint Petersburg, MACHINA, 2013. 192 p. (trans. in Russian).

Vdovina I.S. *Phenomenology in France*. Moscow, Canon+, 2009. 400 p. (in Russian).

Аннотация

В статье рассматривается интерпретация политики как одного из родовых условий существования философии, предложенная А. Бадью. Анализируется его стратегия понимания политики как производства радикально нового состояния общества, порывающего с наличным порядком политического. Выявляются основания и противоречия платформы метаполитики Бадью, отказывающейся от категориального аппарата современной философии политики и предлагающей осмысление политики на базе созданной им математизированной онтологии и теории логик культурных миров. В разработанной им перспективе леворадикальная критика «позднего капитализма» выглядит как логично вытекающая из математической онтологии, которая обосновывает значимость явления, взрывающего порядок существующего и порождающего верность истине, побуждающей к альтернативному творческому способу политической мысли и действия.

Ключевые слова: политика, политическое, метаполитика, философия, математическая онтология, логика миров, бытие, событие, место события, субъект, верность истине, справедливость.

Summary

The article examines the interpretation of politics as one of the basic conditions for philosophy existence offered by A. Badiou. The author analyzes his strategy of politics understanding as the production of a radically new state of society breaking with the existing political order. He detects the foundations and principle contradictions of Badiou's meta-political platform that rejects the category equipment of the contemporary political philosophy and offers the vision of politics on the basis of his mathematical ontology and theory of cultural worlds logics. In this perspective, the left-wing criticism of the «late capitalism» looks as logically based on his mathematical ontology that emphasizes the meaning of the event undermining the existing order of things and establishing fidelity to truth stimulating the alternative creative strategy of political thought and action.

Keywords: politics, political, meta-politics, philosophy, mathematical ontology, logics of worlds, being, event, eventual site, subject, fidelity to the truth, justice.